

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2008
XVII**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
407
EXPRESS-ISSUE**

СОДЕРЖАНИЕ

- 415-425 Краткая история исследований врановых птиц.
В. М. КОНСТАНТИНОВ
- 425-427 Защитное поведение зайца-беляка
Lepus timidus при нападениях беркута
Aquila chrysaetos. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ,
С. С. ШМЫГАЛЁВ
- 427-429 Ещё раз к вопросу о подвидах
саксаульной сойки *Podoces panderi*.
А. Ж. ЖАТКАНБАЕВ
- 429-436 Гибель птиц от домашних кошек в Себежском
национальном парке. С. А. ФЕТИСОВ
- 436-439 Обыкновенный осоед *Pernis apivorus*
в научной коллекции зоологического музея
ИСиЭЖ СО РАН (Новосибирск).
В. С. ЖУКОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биолого-почвенный факультет

Санкт-Петербургский университет

Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XVII
Express-issue

2008 № 407

CONTENTS

- 415-425 To history of investigation of corvids.
V.M.KONSTANTINOV
- 425-427 Defensive behaviour of *Lepus timidus*
under *Aquila chrysaetos* attacks.
N.N.BEREZOVIKOV,
S.S.SHMYGALEV
- 427-429 To subspecies taxonomy of *Podoces pandery*.
A.Zh.ZHATKANBAEV
- 429-436 Influence of cats on bird population
of the Sebezh National Park. S.A.FETISOV
- 436-439 The honey buzzard *Pernis apivorus* specimens in
collection of the Novosibirsk Zoological Museum.
V.S.ZHUKOV
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.-Petersburg University
S-Petersburg 199034 Russia

Краткая история исследований врановых птиц

В.М. Константинов

Второе издание. Первая публикация в 2006*

История изучения врановых весьма длительная и совсем непростая. Этот небольшой обзор накопления и обобщения знаний о птицах обширного семейства Corvidae отряда Passeriformes пока явно неполный: в нём отсутствуют многие фрагменты, особенно из наиболее раннего периода накопления орнитологических сведений. Вселяет оптимизм то, что в самое последнее время стали доступными для широкого круга отечественных орнитологов впервые изданная на русском языке «История животных» Аристотеля (М., Изд. Центр РГГУ, 1996), в которой впервые в специальном зоологическом труде упоминаются врановые, и перевод книги Бернарда Хейнриха «Вороны зимой» (М., Мир, 1994), во вступительной части которой даётся описание наиболее древнего периода контактов человека с врановыми, приводятся мифы и легенды о них у разных народов, на которые последуют соответствующие ссылки в настоящем обзоре. В самое последнее время опубликована фундаментальная сводка о врановых Польши (Jerzak L., Kavanagh B.P., Tryjanowski P. Corvids of Poland. Poznan, 2005), обобщающая современные сведения о разных сторонах экологии и динамике численности 8 видов этого семейства. Кроме статей, посвящённых всем врановым (11 из 52), в ней наибольшее внимание уделено грачу *Corvus frugilegus* (14 статей), сороке *Pica pica* (8), галке *Corvus monedula* (6), вóрону *Corvus corax* (5). Ожидается выход очередного тома, содержащего сведения о врановых, фундаментальной сводки «Handbook of the Birds of the World».

Ранний период

Насколько мне известно, наиболее древним свидетельством близких контактов людей с врановыми птицами служит наскальный рисунок в пещере Ласко во Франции, называемом теперь «Смерть человека с птичьей головой», на котором изображён ворон. Этот рисунок специалисты относят к мустьерскому времени. Именно тогда, по мнению академика Б.А. Рыбакова (1997), возникли мифы, связанные с важными для человека приметами. Обычно это приметы, основанные на сов-

* Константинов В.М. 2006. Краткая история исследований врановых птиц // *Экология врановых птиц в условиях естественных и антропогенных ландшафтов России*. Казань: 3-16.

падении событий. Их описания стали потом передавать из поколения и поколение, они постепенно оформлялись в обычаи и обряды, становились легендами и мифами.

Исторически длительный контакт человека с врановыми птицами, совпадения событий во время этих контактов породили сначала приметы, которые, повторяясь, становились поверьями. Известно, что виды врановых в разных частях своих обширных ареалов тяготеют к человеческому жилью. Они охотно используют в пищу остатки добытых человеком животных, пищевые отходы и даже трупы самих людей, погибших при военных столкновениях. По свидетельству Гудвина (Goodwin 1986) местные врановые в своём распределении по территории многих штатов Австралии тяготеют к стойбищам аборигенов. Это очень похоже на то, что происходило раньше и происходит теперь с палеарктическими видами. Естественно, что такое тяготение врановых к стойбищам австралийских аборигенов возникло задолго до появления европейцев в Австралии. Это может также косвенно свидетельствовать о возможности существования ранних контактов врановых с нашими предками и в Палеарктике.

Трофическая «заинтересованность» врановых в хозяйственной деятельности человека вполне очевидна и подтверждается углублением процессов их синантропизации и урбанизации. Заинтересованность же первобытного человека в соседстве с врановыми менее очевидна и требует всестороннего анализа не только экологии и поведения птиц, но и мифов и легенд о них. Вот как пытаются объяснить возможные причины поклонения ворону у охотничьих племён. Хорошо известно, что ворон *Corvus corax* занимает видное место в мифологии северных народов Старого и Нового Света. В мифах народов Севера ворон наделён многими функциями и связан с разными элементами мироздания (с землёй, подземным миром, водой, небом, солнцем), что свидетельствует о глубокой мифологической семантике этого персонажа. Несомненно, всё это доказывает, что ворон обладает важными для человека чертами поведения. Одной из интересных форм сложного поведения ворона является его способность отыскивать с высоты затаившихся подранков и добычу, спрятанную в лесу охотниками. Возможно поэтому у североамериканских индейцев атапасков существует обычай просить помощи у ворона, собираясь на охоту.

Ворон – крупная, хорошо заметная птица, обладающая резким криком и чёрным блестящим оперением. Как трупоядная птица чёрного цвета со зловещим криком ворон в мифах демоничен и хтоничен, связан с царством мёртвых, со смертью и с кровавыми битвами. Особое развитие в мифах получает мотив выклёвывания вороном глаз у жертв, поэтому он выступает предвестником зла. Разыскивая пищу, ворон копается в земле, поэтому в мифах его связывают с нею. Как

всякая хорошо и высоко летающая птица ворон в мифах связан с небом. А так как брачная активность воронов ярко проявляется ранней весной и выражается в виртуозных токовых полётах, то они являются предвестниками весны, а на Севернее и появления солнца после длинной полярной ночи (Мелетинский 1991).

В скандинавских легендах (сведения о которых теперь приводятся во многих англоязычных изданиях о врановых) верховный бог Óдин всегда появлялся с двумя воронами на плечах. Звали их «Мысль» и «Память». С рассветом Один высылал их на разведку в разные концы земли. Вечером вороны возвращались и нашёптывали на ухо своему господину тайны, которые сумели узнать. Óдин умело выбрал своих вестников: ни одна птица не превосходит вёрона ни дальность полёта, ни зоркостью, ни наблюдательностью, ни словоохотливостью (Хейнрих 1994).

В древней Ирландии по крику вёрона пытались определить грядущие события, и в ирландском языке до сих пор сохранилось выражение «познание ворона», означающая «видеть и знать всё». В древности ворон считался птицей битвы, он был боевым знаменем викингов. Изображение священного вёрона украшало штандарт Вильгельма Завоевателя. Викинги радовались, что в завоевательных походах их сопровождают вёроны, хотя вполне понятно, что они сопровождали викингов по той же причине, по которой они следуют за волками *Canis lupus*, сопровождающими стада мигрирующих северных оленей *Rangifer tarandus*. Викинги почитали вёрона, а те, кто подвергался их набегам, боялись этих больших чёрных птиц. Они вполне заслуженно ассоциировали воронов со смертью и не только в связи с нашествием врага, но и с другими опасными для их жизни ситуациями. В ранней английской литературе при описании сражений всегда упоминаются вёроны. Так, например, в героической поэме «Юдифь» говорится: «Шум битвы радовал тощего волка в лесу, тёмного ворона, алчущего кровавой резни. Оба они знали, что воины готовятся устроить им пир из павших...». Вот строки из заключительной части поэмы «Битва при Брауненбурге», где викинги терпят поражение и уплывают в Ирландию, а саксы возвращаются с победой: «Позади себя они оставили пировать на трупах тёмноодетого ворона с роговым клювом...»

Сказания о вёроне существуют у многих народов на северо-востоке России и в Северной Америке; распространены они у аборигенов Камчатки, Чукотки и Аляски. В мифах этих народов вёрон выступает как творец и главный герой. В 1909 году сотрудник Смитсоновского института, этнолог Джон Суолтан опубликовал 28 мифов о вороне в книге «Мифы и тексты тлингитов (индейцев северо-западной части Аляски)». Хотя в мифах американских аборигенов вёрон никогда не бывает носителем зла, он часто выступает плутом и шутником. Так, в одной из

легенд говорится, что ворон, чтобы досадить людям, придумал комаров. В другой легенде индейцев-инуитов говорится, что ворон сотворил свет, подбрасывая в воздух сверкающие кусочки слюды, так же он создал и Млечный путь. Различные индейские племена на Аляске считают ворона богом, сотворившим землю, луну, солнце, звёзды и самого человека.

Как считает Э.Армстронг в книге «Птицы в фольклоре» (1970; цит. по: Хейнрих 1994), у древних мореходов, сбившихся с пути, был обычай выпускать птиц на поиски ближайшей суши и следовать туда, куда они улетали. Вавилоняне использовали для этого воронов.

Римский естествоиспытатель Плиний Старший (23-79 гг. н.э.) утверждал, что мореходы Гапробана (Цейлона) брали с собой на корабли и выпускали воронов, а затем следовали за ними в поисках ближайшей земли. Согласно «Саге о Флоки» известный мореплаватель Флоки в 874 г. н.э. из Норвегии отправился на запад искать большой остров, за 10 лет до этого открытый шведом Гардаром. Флоки взял с собой трёх воронов. Первый ворон, которого он выпустил, полетел назад в Норвегию, второй вернулся на кораблю. Третий ворон полетел на запад и не вернулся. Далее в саге говорится, что Флоки приказал плыть за эти вороном. Так викинги открыли южный берег Исландии. В Исландии воронов почитают до сих пор (кроме районов, где собирают гагачий пух, т.к. вороны поедают яйца и птенцов гаги).

В мифах Древней Греции упоминается, что у Афины Паллады был шлем в виде головы ворона. Похоже, что в образе другого древнегреческого бога, чернокожего Меркурия, покровителя купцов, воров и скотоводов, также отражены черты ворона. А ещё один древнегреческий бог, Аполлон, имел в своей свите белого ворона, иногда он сам принимал обличье птицы и указывал путь заблудившимся мореплавателям.

Чтят воронов и Великобритания. Согласно современному путеводителю (A Guide to the Tower Ravens), вороны патрулируют лондонский Тайэр более девяти столетий. В средние века вороны повсюду в Лондоне были обычными птицами-мусорщиками, как в современных городах наши серые вороны *Corvus cornix*. Сохранилось предание о том, что однажды стая воронов своими криками предупредила часовых Карла II о приближении войска Кромвеля, чем вороны заслужили королевское расположение. Однако после страшного пожара 1666 года вороны, расклёвывающие неубранные трупы, стали столь многочисленными и назойливыми, что лондонцы обратились к королю с прошением избавить город от этих птиц. Однако гадалщик объявил королю, что если все вороны исчезнут из Тауэра, то на Англию обрушатся многочисленные беды, а его собственный дворец рассыплется в прах («Только пока они остаются, будет стоять Тауэр»).

Ныне в Тауэре содержат 6-8 ручных воронов, которых днём выпускают свободно летать, а вечером свистком собирают на ночёвку в специальную комнату. Небольшая синантропная популяция воронов существовала в XVI-XIX вв. в Соловецком монастыре.

В древности люди верили, что вóрон управляет погодой и влияет на неё. До сих пор индейские шаманы взывают к силе вóрона, подражая его карканью, взмахивают руками, как крыльями, и, прыгая, сдвинув ноги, пытаются отогнать болезнь от своих близких.

В специальных исследованиях по мифологии большое внимание уделяется мифам о врановых. Вот только некоторые из опубликованных работ, где в названиях упоминаются врановые птицы: Н.Ф.Сумцов «Ворон в народной словесности» (1890); Г.И.Дзенискевич «Сказание о Вороне у атапасков Аляски» (1976); Е.М.Мелитинский «Палеоазиатский эпос о Вороне» (1981, 1998). Древние заклинания, мифы и легенды о врановых отнюдь не только интересный этнографический материал. В них отражены особенности экологии, поведения, внешнего облика птиц и другие черты, от которых зависит их успешная жизнь рядом с человеком, а часто и благосклонное отношение людей к этим птицам.

При огромной территории России, длительных контактах людей с врановыми и их специфике в разных регионах необходимо знание причин возникновения этих контактов, конкретной их истории. Это важно для формирования общей картины развития представлений о врановых птицах и истории формирования современных научных знаний об этой большой и практически значимой группе птиц.

Накопление научных сведений о врановых птицах

Завершив краткий обзор мифологических сведений о контактах древних людей с врановыми и накопления знаний о них, при переходе к этапу формирования основ зоологической науки необходимо сослаться на самое раннее дошедшее до нас научное зоологическое произведение европейской культуры – «Историю животных» Аристотеля (330-е гг. до н.э.). Эта книга является крупнейшей зоологической энциклопедией того времени. Она, как и другие естественнонаучные труды Аристотеля («О частях животных», «О возникновении животных», «О движении животных», изданные на русском языке в 1937-1940 гг.), определяли развитие зоологии в Европе в средние века, вплоть до XVIII в. Как известно, Аристотель 20 лет состоял в Платоновской академии в Афинах. С 343 по 335 г. до н.э. он был воспитателем Александра Македонского, по приказу которого потом из завоевательных походов Аристотелю присылали экзотические растения и животных. «История животных» написана в IV веке до нашей эры, а на русском языке впервые издана в 1996 году (М., Изд. Центр РГГУ).

В «Истории животных» вóрон, ворóна, галка, сорока упоминаются более 30 раз. В частности, об этих врановых сказано следующее: «Все эти птицы видны во всякое время, а кроме того, живущие обычно в городах ворон и ворона, ибо их можно всегда видеть, они не меняют мест и не прячутся» (с. 363). Уже в то время эти врановые были хорошо известны, поэтому с их размерами Аристотель неоднократно сравнивает размеры других птиц. В книге содержатся весьма точные сведения о врановых, например такие: «Что касается вóрон, то они питаются павшими животными; эти птицы всеядны» (с. 311). «Сорока изменяет свой голос на многие лады; откладывает около 9 яиц». «Откладывает и ворон не только 2 яйца, как утверждают некоторые, но и больше. Он насиживает около 20 дней и выбрасывает (лишних свыше двух) птенцов» (с. 244). «Вороны-самки насиживают одни и остаются на яйцах все время; их кормят самцы, принося и отдавая им пищу» (с. 246). «Ворона продолжает некоторое время заботиться (о птенцах), ибо кормит даже летающих, летая рядом с ними» (с. 245). Таким образом, сбор научных сведений о врановых начался ещё в Древней Греции более 2330 лет назад.

Естественно, что исследования врановых прошли несколько этапов. Если начальный весьма продуктивный этап приходится на античное время, то в средние века прирост научных сведений был сравнительно невелик. Первые летописные упоминания о врановых Великобритании относятся к 676 г. н.э. (ворóна), к 699 (ворон и грач) и к 998 г. н.э. (сорока); несколько позднее в летописях упоминают сойку *Garrulus glandarius* (Fisher 1964). Врановых изучали, как и другие группы птиц, с точки зрения их практического значения. Именно в средние века сложилось мнение о том, что врановые приносят существенный вред сельскохозяйственным растениям, вредят животноводству, нападая на ослабленных домашних животных, на ягнят, таскают цыплят. Вредными считались врановые и в охотничьем деле, где они рассматривались как конкуренты охотникам, наносящие ущерб охотничьим видам, расклёвывая яйца, поедая птенцов. Поэтому считали, что необходимо их уничтожать всеми известными способами: отстрелом, отловом, отравлением. Такая позиция сохранилась по отношению к врановым у многих людей вплоть до настоящего времени.

Один из первых последовательных исследователей врановых в Германии уже в наше время И. Готе (Gothe 1961) писал, что только в герцогстве Мекленбург-Шверин за 41 год, с 1834 по 1875, было отстреляно 10440 вóронов (цит. по: Хейнрих 1994). В настоящее время во многих местах Западной Европы вóрон либо совсем отсутствует, либо крайне редок.

Врановых преследовали европейские переселенцы и в Новом Свете. Так, Э. Фербуш в книге «Птицы Массачусетса и других штатов Но-

вой Англии» (1927) отмечал, что с появлением европейских поселений на восточном побережье Северной Америки ворон здесь «вскоре стал известен как убийца больных овец и новорождённых ягнят, и поселенцы объявили ему беспощадную войну». Выходцы из Англии и Германии боялись и избегали воронов, они приписывали им гибель овец, особенно если заставляли их на тушах павших животных. Врановых активно преследовали и в западных штатах США. Джеймс Мид (Mead 1986) в своей книге «Охота и торговля на Великих равнинах в 1857-75 гг.» также касается связи, часто трагической, между вороном, хищниками, человеком и их добычей. Ссылаясь на мнение вождя индейцев из Канзаса, он писал следующее об истреблении волков и воронов. Для привлечения волков убивали двух-трёх бизонов *Bison bison* и оставляли туши на ночь. На следующий день, уже в сумерках, разбрасывали вокруг туш отравленную стрихнином приманку. Её приходилось раскладывать обычно после захода солнца из-за тысяч воронов, которые словно жили возле бизонов, встречаясь только в тех местах, где кочевали их стада. Если приманку раскладывали ещё при свете дня, вороны возвращались, и вместо волков утром находили дохлых птиц, усеявших весь луг (здесь и далее цит. по: Хейнрих 1994). «Бизоны, лесные волки и вороны – спутники при жизни, смешивали свои кости, когда наступала их быстрая смерть. Бизонов убивали пули охотников, волков убивали стрихнином ради их шкур, а вороны гибли, расклевывая ядовитые трупы тех и других, так что все члены этой троицы исчезали почти одновременно».

Истребление ворон и воронов продолжается и по сей день. Врановые – удобные «козлы отпущения» за неурожай, неблагополучие в животноводстве, резкое сокращение дичи, поэтому их безжалостно уничтожают до сих пор как «вредных тварей» во многих цивилизованных странах. К чему приводит это повсеместно поощряемое убийство врановых наиболее ярко проявилось в особой акции по уничтожению птиц, которую провели в Иллинойсе в 1940-х годах на большой вороньей ночёвке. Деревья, на которых птицы устраивались на ночлег, были увешаны связками ручных гранат. Ночью их взорвали, и землю усеяли мёртвые и умирающие птицы числом около ста тысяч (Хейнрих 1994). В охотничьих правилах многих стран до сих пор сохраняются рекомендации отстреливать ворон в течение всего года, в том числе и в гнездовое время.

Современный этап изучения врановых птиц.

Длительный период накопления сведений о врановых продлился до конца XIX – начала XX века, когда субъективные впечатления и отдельные наблюдения стали подкрепляться конкретными сведениями о составе кормов отдельных видов врановых, оценками нанесённого

ими вреда, с попытками обобщений этих сведений для больших территорий. Среди наиболее известных исследований в нашей стране необходимо отметить работы А.А.Браунера, который уделял большое внимание значению врановых в сельском хозяйстве на юге Украины. Хорошо известны его публикации «Вредные и полезные животные Херсонской губернии» (1899), «О вредных и полезных птицах Херсонской и Таврической губерний» (1912), «Сельскохозяйственная зоология» (1923). О практическом значении врановых птиц в сельском хозяйстве писали И.К.Пачоский – «Материалы по вопросу о сельскохозяйственном значении птиц» (1909) и Д.В.Померанцев – «Сельскохозяйственное значение грача в Велико-Андольском и Мариупольском лесничествах Екатеринославской губернии» (1914), Н.Н.Подъяпольский – «Ворона и её роль в хозяйстве и природе» (1927) и многие другие. Предпринимались попытки объективно оценить значение разных популяций врановых в конкретные периоды, в определённых условиях и в зависимости от их численности.

Именно в этот период появились многочисленные публикации не только о практическом значении разных видов врановых, но и об их систематике, биологии, сезонных явлениях. Следует отметить, что этот этап в исследованиях врановых птиц был связан с необходимыми обобщениями сведений о птицах при подготовке к изданию крупных фаунистических сводок, в частности, крупнейшей в то время сводки М.А.Мензбира «Птицы России» (1893-1895) и капитальной работы Н.А.Холодковского и А.А.Силантьева «Птицы Европы» (1901). Статьи о врановых в те годы публикуются самим М.А. Мензбиром, его учениками и многими другими российскими орнитологами. Таковы статьи, М.А.Мензбира и В.Н.Шнитникова о саксаульной сойке *Podoces panderi* (1915), Д.Н.Кайгородова о весеннем прилёте грачей *Corvus frugilegus* (1911), В.К.Анфилова о биологии галки *Corvus monedula* (1911), заметки Г.И.Полякова о зимовках грачей в Подмоскowie (1912) и инвазиях кедровок в Европейскую Россию (1912). Именно тогда началась дискуссия о систематическом положении разных популяций сороки *Pica pica* (Stejneger 1885; Ушаков 1911; Зарудный 1915; Карамзин 1915; Огнев 1919; и др.), которая продолжается до сих пор (Рустамов 1954; Портенко 1954; Goodwin 1976, 1986; Степанян 1990, 2003; Madge, Burn 1994). Своими последними работами (Константинов и др. 2004) мы внесли некоторые новые сведения в современное понимание систематики обыкновенной (черноклювой) сороки.

Заметным событием в распространении знаний о врановых среди населения стал выход в свет в 1889 году научно-популярной книги Д.Н.Кайгородова «Чёрная семья (Птицы вороньего рода)», которая потом неоднократно переиздавалась (6-е издание вышло в 1922 г.). Почти под тем же названием в научно-популярной серии «Жизнь и зна-

ние» в 1933 году была издана книга Н.Н.Подъяпольского «Птицы семьи вороновых» под редакцией С.А.Бутурлина.

Принципиальное значение для формирования современных представлений о врановых птицах имели работы Б.К.Штегмана «Палеарктические сороки, их распространение и пути расселения» (1928), «Врановые птицы: Определитель» (1932). «К филогении кедровок» (1934), «Особенности лётных качеств вороновых птиц» (1954), «К вопросу об адаптивных особенностях и филогенетических соотношениях вороновых птиц» (1955), А.К.Рустамова «Основные направления адаптации крыла врановых птиц» (1948) и книга А.М.Судиловской «О соотношении морфологических признаков *Corvidae* с их географическим распространением» (1933).

Заметное расширение исследований экологии врановых в нашей стране произошло в 1950-х годах. Отчасти эти работы явились продолжением исследований практического значения птиц, но в основном были связаны с необходимостью уточнения и обобщения орнитологических сведений при подготовке крупных фаунистических сводок: «Птицы Советского Союза» под общей редакцией Г.П.Дементьева и Н.А.Гладкова (1951-1954) в Москве (раздел о врановых написан А.К.Рустомовым – Т. 5, с. 13-104) и «Птицы СССР» (Портенко и др. 1951-1960) в Ленинграде.

В 1950-1970-е годы издано несколько крупных региональных сводок, где врановым уделено большое внимание (Шнитников 1949; Гизенко 1955; Воробьёв 1954, 1963; Федюшин, Долбик 1967; Иванов 1969; Долгушин и др. 1960-1974; Портенко 1972, 1973; Панов 1973; и др.). Сравнительно новым тогда направлением в изучении врановых стали целенаправленные исследования, связанные с подготовкой и защитой диссертаций и многочисленными публикациями по их результатам (Чмутова 1948, 1949, 1953, 1955, 1964; Бабенко 1954, 1959, 1965; Мустафаев 1958, 1960, 1961, 1963; Шкатулова 1958, 1959; Эйгелис 1958, 1961, 1965, 1970; и др.). Диссертационные исследования были продолжены и в последующие годы. Аннотации успешно защищённых в 1970-1990 годах кандидатских диссертаций по врановым птицам помещены в Библиографическом указателе «Врановые птицы 1971-1997 гг.» (Константинов и др. 1998). Основное внимание в диссертационных исследованиях уделялось экологии массовых видов в разных частях ареалов (Константинов 1971; Бойко 1977; Сметана 1979; Блинов 1983; Хохлов 1983; Дугинцов 1985; Ешеев 1997; и др.). Специальные исследования посвящены сезонным и суточным миграциям врановых птиц, а также их зимовкам (Константинов, Андреев 1969; Марголин 1985).

При выполнении диссертационных работ в последние десятилетия успешно развивается научное направление, связанное с исследованиями врановых в антропогенных, в том числе урбанизированных

ландшафтах (Куранов 1986; Тарасов 1994; Фадеева 1996; Макаров 1997 и др.). Это направление стало основным в согласованных исследованиях Рабочей группы по изучению врановых птиц при Всесоюзном, теперь Мензбирском, орнитологическом обществе с 1983 года.

Существенно, что это направление было поддержано группой специалистов кафедры и лаборатории по изучению высшей нервной деятельности биофака Московского университета З.А.Зориной, М.Г.Плескачевой, О.Ф.Лазаревой, А.А.Смирновой и другими учениками и последователями Л.В.Крушинского, длительное время изучающими поведение врановых птиц.

Проведение согласованных наблюдений, анализ, обсуждение и обобщение их результатов на заседаниях бюро Рабочей группы и на семи «вороньих» конференциях, издание тезисов и научных трудов этих конференций способствовали формированию новых научных направлений. Весьма основательным стало изучение проблем синантропизации и урбанизации птиц (Константинов и др. 1982, 1986, 1987, 1999 и мн. др.; Константинов 1971, 1984, 1992, 2001, 2004; Тагирова 1989, 1992, 1996, 2002; Рахимов 1988, 1992, 1996, 2000, 2004; Рахимов и др. 1996, 2000, 2001 и мн. др.; Резанов 2005), основой которых служили тщательные исследования экологии и поведения врановых в различных антропогенных ландшафтах. Существенное влияние на формирование этого направления имели международные контакты и обсуждение этих проблем на международных орнитологических конгрессах и на специальных международных и всероссийских конференциях и совещаниях (1982, 1994, 1996, 2001, 2004). Особенно продуктивными были контакты с польскими орнитологами, проведение с ними совместных исследований и публикаций (Luniak *et al.* 1996; Konstantinov, Nowicki, Pichurin 1996), участие в конференциях.

Другим научным направлением, одним из основных объектов которого были врановые, стали исследования по ооморфологии птиц (Климов 1992, 1996, 1997; Климов и др. 1989, 1990, 1992, 1993, 1995, 1996 и др.), в том числе издание обобщающей монографии С.М.Климова «Эколого-эволюционные аспекты изменчивости ооморфологических показателей птиц» (2003).

Врановые использованы в качестве модели при исследованиях раннего онтогенеза птенцовых птиц (Шураков 1989, 1991; Шураков и др. 1973, 1975, 1980, 1984, 1989, 1991, 1992 и др.; Родимцев 1986, 1987, 1988, 1989, 1992, 1995, 1996, 1997, 1999, 2004 и мн. др.; Микляева, Скрылева 2001; Чугайнова 2005).

Длительные исследования биологии врановых в антропогенных ландшафтах и фольклора позволили подготовить несколько оригинальных работ о происхождении русских названий птиц и книгу

«Птицы в фольклоре» (Константинов и др. 2000; Лебедев 2000; Лебедев, Константинов 2002 и др.).

В отличие от Западной Европы, в России пока явно недостаточно современных обобщающих монографий по врановым птицам. Первой в конце XX в. была небольшая книга В.Н.Воробьева «Кедровка и её взаимосвязи с кедром сибирским» (1982). Примерно в это же время была издана книга С.Б.Бакаева «Экология размножения вороновых птиц в Узбекистане» (1984). Затем после длительного перерыва вышла монография В.Н.Блинова «Врановые Западно-Сибирской равнины» (1998), изданная по материалам докторской диссертации автора.

В самое последнее время опубликованы книги: В.М.Константинов и др. «Сорока в антропогенных ландшафтах Палеарктики (проблемы синантропизации и урбанизации)» (М., Прометей, 2004) и В.А.Пономарёв и др. «Экология некоторых синантропных врановых птиц Восточного Верхневолжья» (Иваново, 2004). Собранные в течение 40 лет материалы по экологии врановых птиц и их обсуждение на многих конференциях, многочисленные публикации позволяют надеяться на возможность подготовки монографий по серой вороне, грачу и вóрону.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2008, Том 17, Экспресс-выпуск 407: 425-427

Защитное поведение зайца-беляка *Lepus timidus* при нападениях беркута *Aquila chrysaetos*

Н.Н.Березовиков¹⁾, С.С.Шмыгалёв²⁾

¹⁾ Лаборатория орнитологии, Институт зоологии Центра биологических исследований Министерства образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Академгородок, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru

²⁾ Питомник соколов «Сункар», Алматы, 050060, Казахстан

Поступила в редакцию 24 февраля 2008

Зайцы – излюбленный объект питания беркута *Aquila chrysaetos* (Корелов 1962; Капитонов, Утинов 1980; Березовиков 1989; Стахеев и др. 1991; Fischer 1979). Многолетние наблюдения за охотничьим поведением как диких, так и охотничьих беркутов свидетельствуют, что добыча взрослых зайцев сопряжена для них с известной трудностью, поэтому не всякая охота орлов бывает успешной. Зайцы достаточно быстры, вертки и проворны. И даже попав в лапы хищника, они оказывают столь отчаянное сопротивление, что, случается, могут вырваться из его лап (Березовиков 1986). Некоторые зайцы, очевидно уже

имевшие опыт контакта с хищниками, предпринимают ряд необычных тактических приёмов спасения от орлов и ястребов. Об одном из таких случаев, наблюдавшемся нами в южных предгорьях Тарбагатая, рассказывается в этой заметке.

После трёхдневных снегопадов, когда высота снежного покрова достигла 110 см, утром 14 декабря 2002 установилась тихая пасмурная погода. Во время лыжного маршрута вверх по речке Тёмной (Актас) в северных окрестностях села Карабута мы зашли в небольшую берёзовую рощу в холмисто-увалистой подгорной степи Тарбагатая, где встретили кормящиеся стайки длиннохвостых синиц *Aegithalos caudatus*, щеглов *Carduelis carduelis*, урагусов *Uragus sibiricus*, рябинников *Turdus pilaris*, а также двух самцов тетерева *Lyrurus tetrix* и скопление из 10-12 ушастых сов *Asio otus*.

На краю березняка выпугнули крупного беляка *Lepus timidus*, который размашистыми прыжками помчался в сторону ближайших сопкок. Паривший над степью беркут спикировал в направлении бегущего зайца и погнался за ним «в угон». Выскочив на вершину сопки, беляк заметил настигавшего его орла. Заяц неожиданно развернулся и, вопреки всем «правилам», помчался вниз по склону навстречу хищнику. Беркут на большой скорости «накрыл» его, но промахнулся. Он с разлёту сел в снег, развернулся и, взмахивая крыльями, прыжками бросился вслед за зайцем. В это время беляк, пробежав с десятков метров до снежного надува у подножия сопки, остановился и принялся быстро зарываться в снег. Подоспевший к этому месту орёл сунул в снежную нору голову, затем попытался достать зайца лапой, но не успел. Побродив по снегу вокруг, беркут остановился в полуметре от норы и замер в позе выжидания. Однако вскоре он заметил наше приближение, разбежался, взлетел и скрылся за сопками. Осматривая место, где беляк закопался в снег, мы выяснили, что он успел прорыть ход длиной около 2 м. Когда один из охотников принялся раскапывать нору, из неё вдруг выскочил заяц и в стремительном прыжке ударил человека лапами в грудь, затем отскочил в сторону и убежал. Охотник, получивший ошеломительный удар, потерял равновесие и едва не упал!

Такой приём зайца-беляка, когда он в случае опасности зарывается в снег, наблюдался и ранее. Однажды зимой в западных предгорьях Алтая произошло следующее. Подраненный беляк, убегая от охотников с собаками, добежал до окраины села Берёзовка и зарылся в снег на дне промоины в почти бесснежном глинистом склоне горы. Собаки, потеряв его след среди множества следов домашних животных, так и не смогли его отыскать. Спустя некоторое время, когда охота уже завершилась, одному из авторов случайно удалось обнаружить этого зайца, спрятавшегося в снежной норе полуметровой глубины.

Приведённые наблюдения свидетельствуют, что при нападениях пернатых хищников зайцы не обязательно спасаются паническим бегством. Формы их защитного поведения более разнообразны, а некоторые особи в критических ситуациях демонстрируют поразительную смекалку.

Литература

- Березовиков Н.Н. 1986. *Беркут*. Алма-Ата: 1-112.
- Березовиков Н.Н. 1989. Питание беркута в горах Южного Алтая // *Экологические аспекты изучения, практического использования и охраны птиц в горных экосистемах*. Фрунзе: 6-8.
- Капитонов В.И., Утинов С.Р. 1980. Заяц-беляк – *Lepus timidus* Linnaeus, 1758 // *Млекопитающие Казахстана*. Алма-Ата, 2: 9-51.
- Корелов М.Н. 1962. Отряд Хищные птицы – Falconiformes // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 1: 488-707.
- Стахеев В.А., Петров С.Ю., Носков Ю.А. 1991. Беркут в Западном Саяне // *Орнитологические проблемы Сибири*. Барнаул: 157-159.
- Fischer W. 1979. *Stein-, Kaffern - und Keilschwanzadler*. Wittenberg Lutherstadt: 1-220.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2008, Том 17, Экспресс-выпуск 407: 427-429

Ещё раз к вопросу о подвидах саксаульной сойки *Podoces panderi*

А.Ж.Жатканбаев

Лаборатория орнитологии, Институт зоологии Центра биологических исследований
Министерства образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Академгородок,
Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: wildlife@nursat.kz

Поступила в редакцию 12 февраля 2008

Саксаульная сойка *Podoces panderi* Fischer, 1821 описана из пустыни Кызылдум, где она в 1820 году была добыта экспедицией, пересекавшей пустыню по маршруту от урочища Камыслыбас на реке Сырдарье до Бухары. В экспедиции участвовали натуралисты Д.Пандер и Э.А.Эверсманн (Богданов 1882).

Первое описание отдельного подвида в составе этого вида сделано М.А.Мензбиром и В.Н.Шнитниковым (1915) в работе «Илийская саксаульная сойка *Podoces panderi* Fisch. subsp. *ilensis* Menzb. et Schnitnikov». В следующем, 1916 году Н.А.Зарудный в своей работе «Птицы Аральского моря» описывает закаспийский подвид саксаульной сойки. Он отмечает: «Саксаульная сойка из-за Амударьи быть может окажется»

ся относящиеся не к типичной *Podoces panderi* Fisch., а к закаспийскому её подвиду, описываемому мною и князем А.Е.Кудашевым, как *P. panderi transcaspicus* subsp. n. (тип из песков к северу от ст. Казанджик). Отличается от типичной (из Кызылкума) в свежем осеннем, зимнем и весеннем пере более бледным цветом мелкого оперения верхней и нижней сторон тела». Таким образом, перечисленные исследователи выделили у саксаульной сойки три подвида: илийский *ilensis*, закаспийский *transcaspicus* и номинативный *panderi*.

В дальнейшем в орнитологической литературе признавалось существование только двух подвидов – илийского и закаспийского. Более того, А.К.Рустамов (1954а,б, 1958) вообще считал, что саксаульная сойка – монотипический вид. Л.А.Портенко (1954) пишет, что «описанные подвиды не подтвердились на позднейшем, более полном материале». Хотя в этой же работе он в отношении илийского подвида замечает, что «желателен дополнительный коллекционный материал из Семиречья, откуда была описана *P. p. ilensis* Menzb. et Schnitn. как форма более крупная, с тёмной окраской клюва и ног».

В.Ф.Гаврин (1974) в очерке о саксаульной сойке в «Птицах Казахстана» подверг сомнению монотипичность вида. Он признавал подвид *ilensis* (на основании географической изолированности южноприбалхашской популяции саксаульной сойки), хотя и неправильно указал, что существуют всего два подвида: *transcaspicus* и *ilensis*. Для подвида *transcaspicus* этот автор ошибочно указывает, что он населяет и Кызылкум, и Приаралье, и туркменские (расположенные южнее) пустыни. Таким образом, он неправомочно произвёл объединение в один подвид *transcaspicus* и *panderi*. Однако Н.А.Зарудный (1916) оба этих подвида дифференцировал как вполне самостоятельные. В работе В.Ф.Гаврина (1974) есть также ошибки (скорее всего опечатки) в латинском имени илийского подвида: *iliensis* и Schnitnith. вместо правильного *ilensis* и Schnitnitn. Вместе с тем Е.Н.Лановенко (1995) в сводке «Птицы Узбекистана» справедливо отмечает, что в Узбекистане (имеется в виду кызылкумская часть ареала вида) обитает номинативный подвид *P. p. panderi*. Однако в этой работе после названия подвида не указан автор и год описания и совсем не затрагивается вопрос о внутривидовой систематике саксаульной сойки.

Учитывая всё вышесказанное, мы считаем, что рассматриваемый вид включает в себя три подвида: *Podoces panderi panderi* Fischer, 1821; *Podoces panderi ilensis* Menzb. et Schnitn., 1915; *Podoces panderi transcaspicus* Zar. et Kud., 1916.

Литература

Богданов М.Н. 1882. *Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кизым-Кум*. Ташкент: 1-155.

- Гаврин В.Ф. 1974. Саксаульная сойка – *Podoces panderi* Fisch. // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 5: 106-112.
- Зарудный Н.А. 1916. Птицы Аральского моря // *Изв. Туркестан. отд. Импер. рус. геогр. общ-ва* 12, 1: 1-229.
- Лановенко Е. Н. 1995. Саксаульная сойка – *Podoces panderi* Fisch. // *Птицы Узбекистана*. Ташкент, 3: 129-134.
- Мензбир М.А., Шнитников В.Н. 1915. Илийская саксаульная сойка *Podoces panderi* Fisch. subsp. *ilensis* Menzb. et Schnitnikov // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи*. Отд. зоол. 14: 185-193.
- Портенко Л.А. 1954. *Птицы СССР*. М.; Л., 3: 1-255.
- Рустамов А.К. 1954а. Саксаульная сойка *Podoces panderi* Fisch. // *Птицы Советского Союза*. М., 5: 90-95.
- Рустамов А.К. 1954б. *Птицы пустыни Кара-Кум*. Ашхабад: 1-344.
- Рустамов А.К. 1958. *Птицы Туркменистана*. Ашхабад, 2: 1-252.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2008, Том 17, Экспресс-выпуск 407: 429-436

Гибель птиц от домашних кошек в Себежском национальном парке

С.А.Фетисов

Национальный парк «Себежский»,
ул. 7 Ноября, д. 22, Себеж, Псковская область, 182250, Россия

Поступила в редакцию 6 февраля 2008

Каждый знает, что многие домашние кошки *Felis catus*, особенно живущие в сельской местности – очень хорошие охотники. На юго-западе Псковской области, в частности в Себежском национальном парке, известны случаи, когда некоторые кошки из-за своей тяги к охоте даже покидают на лето постоянные жилища и хозяев и уходят на 2-3 месяца за пределы деревень, возвращаясь домой только осенью. Приходят они сильно одичавшие, но отнюдь не худые, а некоторые и вовсе становятся бродячими, бесхозными кошками, зимующими в общественных хозяйственных постройках или в помещениях для содержания крупного рогатого скота. Большинство кошек, правда, не оставляют своих домов, но и в этом случае они имеют возможность ежедневно охотиться в естественных (природных) условиях.

Состав добычи кошек на удивление широк. Например, 6 августа 2001 в деревне Осыно одна из кошек И.Д.Иванова поймала и принесла во двор лесную соню *Dryomys nitedula* – это была первая находка данного вида в Псковской области (Фетисов, Сморгачёва 2002). А в де-

ревне Илово, расположенной на берегу озера Ороно, две наших кошки за лето и осень в 2007 года принесли домой более 10 обыкновенных кутор *Neomys fodiens*, ведущих, как известно, полуводный образ жизни и довольно редких в Псковской области. Весьма существенное место среди жертв кошек занимают и птицы. Однако в целом кошки-орнитофаги встречаются много реже, чем миофаги.

Автор не ставил целью специально исследовать степень воздействия домашних кошек на местную орнитофауну. Однако за многие годы (в основном 1982-2007) удалось собрать интересный материал по этой теме, обобщённый в настоящей заметке. Этот материал стал быстро пополняться с 2006 года, когда мы стали постоянно жить в деревне Илово под Себежем и завели своих кошек. В эти годы в исследования активно включилась Г.А.Фетисова, так что наблюдения в Илово в 2006-2007 годах велись практически без перерывов.

В Себежском Поозерье в добыче кошек удалось зарегистрировать 29 видов птиц.

Anas platyrhynchos. Единственный случай добычи пухового птенца кряквы отмечен в первых числах июня 1997 в деревне Селявы на берегу Себежского озера. Кошка схватила птенца, видимо, прямо на деревенской улице (где она с ним была замечена), когда выводок следовал от гнезда к воде через деревню.

Anas crecca. В апреле 1992 в деревне Полейковичи на берегу реки Нища домашний кот А.И.Куренкова подкараулил в траве у самой воды самца чирка, поймал его и притащил к бане, где приступил к трапезе (Фетисов и др. 2002).

Porzana porzana. 8 августа 2007 наша кошка принесла котятм взрослого погоньша, которого поймала на сыром берегу (или на мелководье в густых тростниках) озера Ороно на окраине Илово. Нужно отметить, что в 2006-2007 годах мы вели здесь постоянные орнитологические наблюдения, но обнаружить этот вид не удавалось.

Crex crex. Молодого коростеля (с кисточками на первостепенных маховых, длина которых не превышала 2 см) кошка И.Д.Иванова поймала 11 августа 2002 на сенокосном лугу рядом с домом в деревне Осыно и принесла его котятм.

Columba livia. Один голубь (вероятно, молодой и поэтому «нерасторопный») был пойман кошкой из засады прямо на глазах автора в начале июля 2003 возле здания бывшего магазина в деревне Нища. Кошка сразу же утащила добычу в кусты. Случаи неудачного нападения кошек на голубей неоднократно приходилось наблюдать на базаре Себежа и на центральных площадях деревень. Каждый раз, однако, у кошек не было подходящего укрытия для засады, и они безуспешно пытались подобраться к добыче по открытому пространству, «наскоком». По непроверенным данным, ещё одна кошка ловила птенцов и

слетков сизого голубя летом 1999 на чердаке двухэтажного многоквартирного дома в Осыно.

Apus apus. Один слёткок стрижа, почему-то севший на землю и не смогший взлететь с ровной поверхности, был почти сразу же схвачен кошкой в июле 2004 в одном из дворов Себежа.

Hirundo rustica. Оперившиеся, но ещё не способные летать птенцы ласточки были съедены двумя кошками летом 1986 в одном из сараев в Осыно после того, как они упали на землю вместе с отвалившимся от стены гнездом. Одна взрослая ласточка была схвачена кошкой 12 мая 1989 на обочине улицы в Осыно возле небольшой лужицы, где она собирала грязь для постройки гнезда.

Alauda arvensis. Перья съеденных жаворонков, пойманных кошками для котят, дважды (в 2002 и 2005 гг.) находили во дворе дома Загорских на окраине Осыно рядом с суходольными сенокосными лугами. По словам Ф.А.Загорской, одна из её 4 кошек была «...совсем пропащая, и пользы от неё никакой», потому что всё теплое время года она охотилась не столько на мышей, сколько на птиц. Не проходило и двух дней, чтобы она не поймала возле дома мелкую птичку (судя по описаниям, это были *A. arvensis*, *Saxicola rubetra*, *Passer domesticus*, *Fringilla coelebs*, а также виды *Phylloscopus*, *Sylvia*, *Turdus*) Порой приходилось принимать специальные меры, чтобы помешать кошке ловить домашних цыплят и утят. После того, как несколько цыплят всё же было съедено, хозяйка избавилась от этой кошки.

Motacilla alba. Один слёткок трясогузок, гнездившихся в поленнице дров во дворе И.Д.Иванова в Осыно, был съеден, по словам хозяина, одной из его кошек в июне 1991 (вероятно, в день вылета) несмотря на то, что родители активно защищали птенца и пытались «отводить» кошку от того места, где он какое-то время прятался в траве. В другом случае взрослая трясогузка была поймана одичавшей кошкой в конце апреля 1985 внутри коровника в Осыно.

Sturnus vulgaris. Существует мнение, что скворец – излюбленный объект охоты домашних кошек. На самом деле кошки не имеют никаких заметных преимуществ при ловле скворцов по сравнению с другими птицами. Однако из-за того, что эта охота обычно происходит рядом с жильём человека, а взрослые скворцы, увидев кошек возле скворечников, всегда устраивают отчаянный переполох, на который слетаются и другие птицы, на неё в первую очередь обращают внимание люди. Время от времени кошки ухитряются вытаскивать подросших скворчат из дупел или скворешен, особенно если они не достаточно глубоки. В мае 2007 в Илово лёгкой добычей кошки стал выводок из 5 оперившихся скворчат в подгнившем и упавшем на землю скворечнике. Довольно активно кошки охотятся на скворчат в дни массового вылета их из гнёзд, когда затаившиеся слётки часто кричат, выпрашивая корм у

родителей, и тем привлекают кошек. Например, в одна наша кошка добыла слётка скворца в такой ситуации 17 мая 2006, другая – 15 мая 2007. Помимо того, кошки успешно охотятся на скворцов на окраинах населённых пунктов в конце июля – начале августа, когда огромные стаи этих птиц концентрируются на выгонах и лугах, а также возле помоек и мусорных куч в населённых пунктах ранней весной, когда во время ненастья скворцы кормятся на маленьких участках, где кошкам удобно их подкарауливать. Так была поймана одна самка скворца в Илово 23 апреля 2007.

Pica pica. По сообщению доярки М.Евдокимовой, в июне 1983 молодая сорока была поймана одной из кошек, постоянно живших на скотнике возле Осыно, после того, как случайно залетела внутрь служебного помещения. Другая сорока схвачена кошкой 2 февраля 1997 на подворье И.И.Кривцова в деревне Чернея, где она замешкалась возле вольера с курами.

Corvus monedula. Молодая галка попалась кошке в конце октября 2000 в центре Себежа. Это произошло в заваленном дровами углу двора рядом с небольшой помойкой, вокруг которой кормилось сразу несколько галок и серых ворон *Corvus cornix*.

Acrocephalus schoenobaenus. Одна наша кошка поймала на заросшем кустами и тростником берегу озера Ороно 3 барсучков: взрослого (16 августа 2006) и 2 молодых (10 и 21 августа 2007).

Sylvia communis. Одну взрослую серую славку, возможно, насиживавшую кладку, кошка А.И.Куренкова принесла котяткам 28 мая 1986 в деревне Полейковичи.

Phylloscopus trochilus. Тушка веснички, пойманной кошкой для котят, найдена в конце мая 1994 во дворе дома Загорских на окраине Осыно. Не исключено, что птица поймана во время насиживания.

Muscicapa striata. Слёток серой мухоловки, гнездившейся под крышей сарая в Полейковичах, был пойман и съеден кошкой в июне 1985 во дворе неподалёку от гнезда.

Saxicola rubetra. Добытый кошкой слёток лугового чекана был брошен ею 2 июля 1998 на сенокосном лугу возле деревни Осыно после того, как эту кошку неожиданно вспугнула собака.

Luscinia luscinia. Наша кошка поймала взрослого соловья 3 июня 2007 в небольшой роще между домом и озеро Ороно.

Turdus pilaris. Молодой рябинник пойман нашей кошкой 11 июля 2007 на огороде в 25-30 м от дома на окраине деревни Илово.

Turdus merula. Взрослый самец пойман кошкой Ивановых на окраине Осыно в конце сентября 2001, когда кормился на земле упавшими плодами боярышника. 30 сентября 1978 самка чёрного дрозда, помеченная кольцом № 4164829 в Швеции 9 октября 1977, съедена кошкой в деревне Заборовье в Гдовском районе.

Parus major. Одну взрослую синицу наша кошка принесла своим котяткам 24 июня 2007. Где она её поймала – неизвестно.

Passer domesticus. Кошка, держащая в зубах старого самца домового воробья наблюдалась в конце ноября 1996 в Себеже. В посёлке Идрица, уже давно, воробей, случайно залетевший зимой в дом и ударившийся о стекло, был тут же схвачен кошкой.

Passer montanus. Полевые воробьи были наиболее частой добычей наших кошек, охотившихся в 2007 году на окраине Илово. Там постоянно держалась стая воробьёв, насчитывавшая не менее 30 особей. В июле-августе одна кошка принесла домой 4, другая – 2 воробьёв (5 из 6 молодые).

Fringilla coelebs. Взрослую самку зяблика наша кошка принесла своим котяткам 26 июля 2007. По-видимому, она поймала её неподалёку от дома, на приусадебном участке.

Chloris chloris. Молодая зеленушка была схвачена нашей кошкой 2 июля 2007 на приусадебном участке. Удачной охоте предшествовало несколько неудачных, однако кошка несколько дней продолжала терпеливо охотиться у небольших кустиков ирги, где регулярно кормилась стайка зеленушек.

Spinus spinus. Один из чижей, кормившихся вместе с чечётками у деревни Осыно в сорняках на краю пашни, пойман кошкой 6 февраля 1995. Возможно, это была не единственная добыча той кошки, потому что на полях тогда постоянно кормились стаи воробьиных по 50-100 и более особей.

Acanthis flammea. В течение двух недель в декабре 2007 одна из наших кошек поймала на огороде 3 чечёток, причём в одном и том же месте: где заросли полыни и других сорняков вплотную подходили к остову теплицы и нагромождению досок, служивших хорошим укрытием для подкарауливания добычи. Двух птиц кошка съела в 10-15 м от места добычи, а одну принесла домой и бросила на веранде.

Emberiza citrinella. Одна из овсянок, кормившихся вместе с полевыми воробьями во дворе И.И.Кривцова в деревне Чернея, была поймана кошкой 30 января 1997 возле вольера для кур.

Emberiza schoeniclus. Взрослый самец пойман нашей кошкой 29 марта 2007 на заросшем кустами и тростником берегу озера Ороно. Это произошло на четвёртый день после первой песни прилетевших камышовых овсянок.

Полный список охотничьих объектов кошек в Себежском Поозерье подлежит ещё дополнительному изучению. К сожалению, при всей кажущейся лёгкости, пополнять такой список – довольно непростое и трудоёмкое дело, потому что все кошки, особенно одичавшие и бродячие, ведут себя во время охоты очень скрытно, а попытка постоянного наблюдения за ними может серьезно помешать результатам их охоты.

Поймав добычу, кошка обычно прячется и ест её в укромном месте, если только у неё нет котят, которым она носит пищу. Но и для организации постоянного контроля добычи, получаемой котятами, необходимо иметь много свободного времени.

Какую же роль могут играть домашние кошки в смертности птиц на территории национального парка «Себежский»? Конечно, располагая только вышеприведёнными сведениями, точно ответить на этот вопрос невозможно. Однако попробуем всё же приблизительно оценить масштабы того урона, который кошки наносят птицам.

Несомненно, в условиях Себежского Поозерья и, в частности, в национальном парке кошки имеют очень хорошие возможности для охоты на самых разных птиц, обитающих как в антропогенных, так и природных ландшафтах. При этом кошки чаще всего добывают тех птиц, которых могут подкараулить из засады на земле или поймать при облегчающих охоту обстоятельствах: например, найти птенца, слётка, ослабевшую или раненую птицу; проникнуть в гнездо в дупле или ином убежище; схватить птицу, попавшую в ловушку (в жилое помещение, вольер и т.п.). Наряду с этим, кошки пытаются реализовать и другие возможности поймать любую потенциальную добычу, даже если шансы у них невелики. Для этого они зачастую проводят «разведку», совершая пробный бросок на добычу (например, на стайку кормящихся птиц), к которой невозможно подобраться без особой подготовки (без подползания, затаивания). В некоторых случаях кошки оказываются способными осилить довольно крупных птиц, размером с чирка. Однако основной добычей всё же служат мелкие воробьиные.

О смертности птиц в Себежском Поозерье из-за хищничества домашних кошек можно судить по некоторым фактам, любезно предоставленным автору в Центре кольцевания птиц И.Н.Добрыниной и И.А.Харитоновой. Так, из 87 окольцованных скворцов, погибших в Псковской области, в лапы к кошкам попали, как минимум, 13. Среди них скворцы, окольцованные в Великобритании (3 особи), Дании (2), Литве (1), Нидерландах (6) и Франции (1). Из них два окольцованных скворца поймано кошками в Себежском Поозерье: 1) K 14 697 Museum Leiden Holland. Окольцован молодым 31 октября 1952 в Нидерландах (52.03 N, 4.12 E; отобран у кошки в мае 1953 в дер. Кицково, 56.39 N, 28.53 E. 2) V 135 039 Lithuania Kaunas Museum. Окольцован молодым 9 июля 1996 в Вентес Рагас (55.21 N, 21.13 E) и отобран у кошки в июле 1998 в г. Себеже (56.19 N, 28.29 E). Другими словами, доля смертности от кошек составляет у скворца в Псковской области не менее 15% от общей смертности.

Другой пример дают данные по большой синице. Из 19 окольцованных *P. major*, погибших в Псковской области, кошками пойманы как минимум 3 (окольцованы в Германии, Латвии и Ленинградской

области) т.е. доля смертности от кошек составляет около 16% от общей смертности, как и в случае со скворцом.

Приведём далее наш ход рассуждений. По данным на 1 сентября 2001, в Себежском национальном парке расположено 50 сельских населённых пунктов, в которых находится не менее 500 дворов (Проект 2002) и, соответственно, проживают не менее 500 семей. Судя по опросу сотрудников Парка и собственным наблюдениям автора, в деревнях практически в каждой семье есть хотя бы одна кошка. Таким образом, общее число кошек на территории парка – не менее 500 (не считая кошек города Себежа и бродячих). По нашей оценке, лишь треть или четверть, т.е. примерно 140 сельских кошек являются хорошими охотниками на птиц и добывают каждая в среднем не менее 1 птицы за 2 недели, а всего – порядка 3500 птиц в год*. Если к этим цифрам добавить ещё тех птиц, которых время от времени ловят другие 360 кошек в сельской местности, а также многочисленные кошки города Себежа и самые опасные для птиц – бродячие кошки†, то общее число погибших от них птиц национального парка, по самым скромным подсчётам, ежегодно превышает 10 тыс. особей.

Помимо того, нужно помнить не только о количественной, но и о качественной стороне вопроса. Некоторые птицы представляют собой особую ценность для человека и по закону подлежат всяческому сохранению. В первую очередь, это редкие и охраняемые виды, а также красивые и хорошо поющие птицы, важные в эстетическом отношении. Тем не менее приходится констатировать, что от нападения кошек на территории парка не гарантированы, например, такие виды, как коростель (хотя вид внесен в Красную книгу МСОП и в приложение к Красной книге Российской Федерации) и погоньш (очень редкий вид на Северо-Западе России). В числе жертв кошек значатся и многие любимые певчие птицы: соловей, чёрный дрозд, зеленушка, чиж, чечётка и другие. Кошки представляют угрозу и для таких редких в национальном парке птиц, как серая куропатка *Perdix perdix*, перепел *Coturnix coturnix*, кольчатая *Streptopelia decaocto* и обыкновенная *S. turtur* горлицы, угод *Upupa epops*, лесной жаворонок *Lullula arborea*, полевой конёк *Anthus campestris*, обыкновенный сверчок *Locustella*

* За 2007 год одна из кошек автора (хорошая охотница на птиц) добыла не менее 19 птиц (7 скворцов, из них 5 гнездовых птенцов и одного слётка, 4 полевых воробья, 3 обыкновенных чечётки, 2 камышевки-барсучка, 1 погоньша, 1 зеленушку и 1 камышовую овсянку), а другая («обычная») – не менее 6 птиц (2 полевых воробья, 1 соловья, 1 рябинника, 1 большую синицу и 1 зяблика). Но это не вся их добыча, а только та, что нам удалось обнаружить у котят в доме и случайно в радиусе 30-50 м вокруг дома.

† Их число на территории НП «Себежский» превышает 50. По крайней мере, 1-2 и более бродячих кошек можно встретить в окрестностях почти любой деревни.

naevia, садовая камышевка *Acrocephalus dumetorum*, ястребиная славка *Sylvia nisoria*, горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros*, коноплянка *Acanthis cannabina*.

В связи с этим нужно всерьёз задуматься над тем, так ли безобидны домашние кошки в Себежском Поозерье, и приступить к разработке мероприятий, позволяющих снизить гибель птиц от кошек на территории национального парка «Себежский». В частности, можно рекомендовать вернуться к практике поголовного уничтожения бродячих кошек. Дополнительно к этой мере целесообразно разъяснять местному населению необходимость сокращения числа кошек в каждой семье и предоставить ему информацию о разных способах защиты искусственных гнездовий от кошек.

Литература

- Проект организации территории национального парка «Себежский». Общая пояснительная записка. 2002. М., 1: 1-130 (рукопись.).
- Фетисов С.А., Ильинский И.В., Головань В.И., Фёдоров В.А. 2002. Птицы Себежского Поозерья и национального парка «Себежский». СПб, 1: 1-152.
- Фетисов С.А., Сморгачёва А.В. 2002. Лесная соя (*Dryomys nitedula*) – новый вид Псковской области и национального парка «Себежский» // *РИО + 10: охрана окружающей среды, природопользование, образование*. Великие Луки, 7: 114-115.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2008, Том 17, Экспресс-выпуск 407: 436-439

Обыкновенный осоед *Pernis apivorus* в научной коллекции зоологического музея ИСиЭЖ СО РАН (Новосибирск)

В.С.Жуков

Институт систематики и экологии животных Сибирского отделения РАН,
ул. Фрунзе, д. 11, Новосибирск, 630091, Россия. E-mail: vszhukov@ngs.ru

Поступила в редакцию 7 апреля 2008

Обыкновенный осоед *Pernis apivorus* (Linnaeus, 1758) – редкий вид, включённый во многие региональные Красные книги России. Поэтому сбор новых коллекционных данных по этому виду в настоящее время затруднён. В связи с этим, а также с подготовкой к изданию следующих томов «Птиц России и сопредельных регионов», автором проведена ревизия коллекционных материалов по осоеду в зоологическом му-

зее ИСиЭЖ СО РАН. В его научной коллекции находятся 2 коллекционные тушки и 5 яиц обыкновенного осоеда из 4 кладок.

Первый экземпляр осоеда (инвентарный № 4470) коллектирован в Барнаульском уезде (ныне Алтайский край) около станции Повалиха (53°27' с.ш., 83°48' в.д.) Г.А.Велижаниным, что указано на первой этикетке. На ней сохранилась едва различимая выцветшая надпись «Пойман ребятами, ещё плохо летающим. Жил в клетке». Указанная на этикетке дата (15 августа 1924), видимо, означает дату гибели птицы. Поскольку промеры не указаны, мы сняли их. Длина хвоста равна 224 мм, длина цевки 54-58 мм (более точное измерение на засохшей выпрямленной ноге затруднено). Из-за содержания птицы в клетке или по другой причине у тушки обломаны концы маховых на обоих крыльях и некоторые рулевые перья. Из-за этого не удалось определить формулу и длину крыла. Однако удалось установить, что наружные опахала первостепенных маховых сужены лишь у перьев со 2-го по 5-е, что характерно для *P. apivorus*, но не у 6-го, как это наблюдается у хохлатого осоеда *Pernis ptilorhyncus* (Temminck, 1821) (Дементьев 1951; Иванов, Штегман 1978). Клюв лишён рамфотеки и восковицы. Возраст птицы указан на этикетке как «juv». Ноги и пальцы жёлтые, когти чёрные, длина среднего пальца без когтя 43 мм. Почти всё контурное оперение тёмно-бурое. Пол неизвестен. Этот экземпляр до настоящего времени числился как *Buteo buteo* (Linnaeus, 1758) (вторая этикетка) и хранился в одной коробке с обыкновенными канюками, несмотря на то, что Г.А.Велижанин правильно определил вид, что указано на первой этикетке. Теперь к этой научной тушке приложена ещё одна этикетка с восстановленным видовым названием и скопированными с первой этикетки данными.

Вторая тушка (инвентарный № 4999) сделана В.М.Чернышовым из птицы, добытой им же 12 сентября 1980 на полевом стационаре «Чановский» ИСиЭЖ СО РАН. Стационар находится около озера Малые Чаны (54°37' с.ш., 78°12' в.д.). Это молодая особь (juv). Масса тела 980 г. Почти всё контурное оперение тёмно-бурое. Промеры, снятые с добытой птицы и указанные на этикетке, мм: длина крыла 423, длина хвоста 245, длина цевки 55.3, длина клюва от переднего края ноздри 19.9. Длина клюва от начала оперения (по прямой), измеренная по тушке, равна 29 мм. Ноги тёмно-бурые, нижняя часть цевки и пальцы покрыты жёлтыми пятнами, когти чёрные. Восковица желтовато-сероватая. Длина среднего пальца без когтя 41 мм; наружные опахала сужены у первостепенных перьев со 2-го по 5-е, а внутренние у 1-5-го, как это характерно для *P. apivorus* (Дементьев 1951). Однако формула крыла данного экземпляра (3>4>5>2>6>1>7) немного отличается от приведённого Дементьевым (3> или =4>2>5>6>1>7) (Там же, с. 328). Этот автор указывает, что 2-е маховое должно быть длиннее 5-го, а у

нашего экземпляра 5-е чуть больше 2-го (на 2 мм). Это несоответствие можно объяснить либо индивидуальной изменчивостью, либо тем, что это молодая птица, либо за счёт того, что в жёстко уложенном высохшем крыле взаимное расположение 2-го и 5-го маховых могло немного сместиться. Гораздо существеннее другое. 2-е первостепенное маховое нашего экземпляра заметно длиннее 6-го (на 43 мм), как это и должно быть у *P. arivorus*, судя по приведённой выше формуле крыла. Однако в видовом очерке о *P. ptilorhyncus* (Дементьев 1951, с 324) написано, что у *P. arivorus* 2-е первостепенное заметно короче 6-го. Это явное противоречие. Скорее всего, в цитируемый текст вкралась опечатка и нужно читать, что у *P. arivorus* 2-е первостепенное маховое заметно длиннее 6-го. Известно, что *P. arivorus*, по сравнению с *B. buteo*, «на лету отличается более длинными и узкими крыльями» (Дементьев 1951, с. 328), что было бы невозможно, если бы у осоеда 6-е первостепенное маховое было бы «заметно длиннее» 2-го.

В желудке добытой птицы оказалось несколько экземпляров личинок ос или пчёл (В.М.Чернышов, устн. сообщ.).

Контроль правильности родовой и видовой принадлежности тушек проведён также по некоторым другим признакам. Так, у обоих экземпляров осоедов вокруг глаз расположены характерные для этого рода мелкие плоские круглые пёрышки. Цевки обоих экземпляров оперены наполовину (у *B. buteo* оперена только верхняя часть цевки, около 1/3 её длины) и покрыты шестиугольными сотовидными щитками.

Краткая информация об оологической и нидологической коллекциях зоомузея Биологического института СО АН СССР (ныне ИСиЭЖ СО РАН) по состоянию на 1976 г. опубликована В.В.Николаевым с соавторами (1977). Однако в этой публикации не указаны размеры яиц, масса скорлупы, коллекторы и некоторые другие сведения. Здесь мы приводим более полную информацию: инвентарный номер, дата, район, коллектор, количество яиц, их размеры, масса (в одном случае), масса скорлупы, окраска и степень насиженности яиц, характер подстилки, место расположения гнезда и другие сведения, указанные на этикетках. Все яйца, за исключением последнего по списку, из коллекции Е.П.Спангенберга, находящейся в фондах зоомузея ИСиЭЖ.

1) Инв. № 396. 2 июня 1924, Московская обл., окр. дер. Немчиновка, коллектор Е.П.Спангенберг. 1 яйцо, 52.0×44.7 мм, масса скорлупы 3.9 г. Большая часть поверхности яиц покрыта тёмно-бурыми пятнами неопределённой формы на светло-коричневом фоне. Яйцо было «свежеснесённое». Гнездо располагалось на осине. Подстилка из листьев и веточек деревьев лиственных пород.

2) Инв. № 397. 12 июня 1937, Армения, окр. с. Воскресенка, в 16 км от г. Караклиса. Коллектор Е.П.Спангенберг. 1 яйцо, 51.9×41.9 мм, масса скорлупы 3.7 г. Пятна тёмно-бурого цвета на светло-коричневом

фоне занимают около 95% поверхности яйца. Яйцо было «совершенно [не?]насиженное». Гнездо располагалось в лиственном лесу нижнего пояса гор. Подстилка из листьев и веточек лиственных деревьев. От гнезда добыта самка.

3) Инв. № 451. 6 июня 1940. Московская обл., окр. г. Звенигорода. Коллектор «Дубиновский и др. кюбдовцы зоопарка». Два яйца: а) 51.2×42.5 мм, масса скорлупы 3.4 г. б) 53.3×42.9 мм, масса скорлупы 3.6 г. Оба яйца тёмно-бурые, т.е. площадь тёмно-бурых пятен преобладает над площадью светло-коричневого фона. Первое яйцо несколько темнее. Яйца были слабо насиженные. Гнездо находилось на ели среди лиственного леса. Подстилка из тонких веточек ели (?) без хвои.

4) Инв. № Zh-83. 29 мая 1965. Нижегородская обл., в 5 км от посёлка Линда (Семёновский р-н). Коллектор И.Ф.Жимулёв. 1 яйцо, 52.5×41.5 мм, масса яйца 49.5 г., масса скорлупы 3.4 г. Около 60% поверхности скорлупы покрыто тёмно-бурыми пятнами неопределённой формы на светло-коричневом фоне. Яйцо было ненасиженное. Гнездо располагалось на высокой ели, на высоте 12 м от земли, в густом смешанном лесу в 0.5 км от опушки. Лоток выложен зелёными берёзовыми ветками, его диаметр 50 см.

Для сравнения: W.Makatsch (1974) для Европы приводит следующие размеры яиц *P. arivorus*: 44.2-60.0×35.9-45.0 мм (простые средние 52.1×40.4 мм), средняя масса яиц 44 г. Масса скорлупы 2.47-4.73 (простая средняя 3.6 г.). Как видно из этих данных, средние значения параметров яиц осоеда из Европы близки характеристикам яиц, находящихся в коллекции зоомузея ИСиЭЖ.

При обработке коллекции техническую помощь автору оказали сотрудники зоомузея к.б.н. В.К.Зинченко, Н.В.Лопатина и Ж.В.Мишагина. Старший научный сотрудник Новосибирского краеведческого музея Н.Н.Балацкий определил массу скорлупы некоторых яиц. Всем перечисленным лицам автор выражает искреннюю благодарность.

Литература

- Дементьев Г.П. 1951. Отряд хищные птицы Accipitres или Falconiformes // *Птицы Советского Союза*. М., 1: 70-341.
- Иванов А.И., Штегман Б.К. 1978. *Краткий определитель птиц СССР*. Л.: 1-560.
- Николаев В.В., Кошелев А.И., Чернышов В.М., Тотунов В.М., Акулинин В.Н. 1977. Оологическая и нидологическая коллекция зоологического музея Биологического института СО АН СССР (Новосибирск) // *Фауна и систематика позвоночных Сибири*. Новосибирск: 214-244.
- Makatsch W. 1974. *Die Eier der Vögel Europas. Eine Darstellung der Brutbiologie aller in Europa brütenden Vogelarten*. Leipzig, 1: 1-468.

